

DOI: 10.19195/0137-1150.163.2

JELENA OLESINA

Институт художественного образования и культурологии
Российской академии образования, Rosja
elolesina@gmail.com

Фольклорный образ старости как культурный код

Фольклор основывается на понимании культуры как ненаследственной памяти человечества и характеризуется тесной связью бытовых реалий и мифологического сознания наших предков, а также единством прошлого, настоящего и будущего. Как писал Юрий Лотман: „Одно из важнейших определений культуры характеризует ее как «негенетическую» память коллектива»¹.

Согласно исследованиям американского антрополога Джоржа Фостера², традиционное крестьянское сознание воспринимает экономические, социальные, культурные ценности как замкнутую систему, как постоянно повторяющийся жизненный цикл, ограниченный ресурс, в котором ничто не исчезает бесследно и опыт прошлого служит основой для настоящего и будущего. Таким образом, старость в традиционном миропонимании не окончание жизни, а, по сути, синоним жизненного цикла. По мнению философа и культуролога Моисея Кагана, „жизненный цикл распадается на три основные фазы — овладение культурой, творчество культуры и передача культуры тем, кто идет на смену в эстафете поколений»³.

Культурная картина мира традиционного крестьянского социума — это система специфических взглядов на устройство природы и общества, в основе которой лежат архетипы, мифологические образы, восприятие времени и пространства, способы коммуникации внутри социума и т.д. Данная система отражается в семиотических формах в фольклоре: пословицах, поговорках, загадках, сказках, песнях и др. В русском народном

¹ Ю.М. Лотман, *Беседы о русской культуре*, Санкт-Петербург 1994, с. 6.

² G. Foster, *Interpersonal relations in peasant society*, „Human Organization” 1960–1961, № 19, с. 174–178.

³ М. Каган, *Философия культуры*, Санкт-Петербург 1996, с. 90.

творчестве образ старости представлен не просто как возраст, а скорее как трансцендентное явление, соотносящее старика с природными явлениями, мифологическими персонажами, хранителями культурных ценностей. Исходя из вышесказанного, можно определить фольклорный образ старости как культурный код, то есть знаковую систему, являющуюся ключом к пониманию картины мира русской традиционной культуры.

Основываясь на исследованиях Кагана о фазах жизненного цикла, мы выделяем три ипостаси старости в русском фольклоре:

1. сакральность старости (овладение культурой),
2. мудрость старости (творчество культуры),
3. опыт старости (передача культуры).

Сакральность старости

В данном контексте „сакральность” понимается как приобретение объектом (в нашем случае — фольклорным образом старости) смыслов и значений в человеческом восприятии, которые выходят за пределы повседневной обычной жизни людей, сближаясь со священным, обрядовым, мистическим, лиминальным проявлением культуры (Мирча Элиаде⁴). Сакрализация профанного мира происходит из мистифицированного осмысления практики социальных взаимоотношений, что свойственно традиционным культурам.

В традиционном обществе, жизнь которого основывалась на четкой цикличности, существовали определенные группы людей, выпадающие из социальной жизни: дети, блаженные, старики. Эти группы определяет одно выражение: „Не от мира сего”, то есть не участвующие (или мало участвующие) в активной бытовой жизни члены сообщества, люди от мира другого, от мира мистического, люди, которые живут в мифологическом времени, то есть как бы в безвремяе. Фольклорная традиция отражает это явление в поговорках и пословицах: „Что старый, что малый”, „Хуже дурака только старый дурак”, „Седина в бороде, а бес в ребро”, „Старый да малый — люд удалый”.

Дети, блаженные, старики обладают особой мудростью, основанной на простоте и наивности, которая определена взаимосвязью с миром мистическим, иррациональным, то есть допущены к сакральным знаниям.

Объединяет эти социальные группы выпадение из гендерной и социальной жизни, что подчеркивается, в первую очередь, одеждой. В целом стариковская одежда приближалась к детской по целому ряду признаков: практическое нивелирование половых различий и взрослого фасона; просторный покрой; отсутствие каких-либо украшений; старики не носили штанов (ходили в подштанниках); старухи вместо рубаш и сарафанов надевали глухую одежду типа сарафана без лямок.

⁴ М. Элиаде, *Очерки сравнительного религиоведения*, перев. В. Рокитянского, Москва 1999, с. 18 (M. Eliade, *Patterns in comparative religion*, London 1958).

Обратимся к образу „сакрального” старика, широко представленному в русском фольклоре как проявление единства с природой, с цикличностью календарных обрядов.

Сказочные дед и баба (многие сказки начинаются словами „Жили были дед и баба”) представляют мифологическую основу мироздания, некоторые исследователи приравнивают эти образы к богу Роду (сказки *Курочка Ряба*, *Колобок*, *Репка* и пр.). Некоторые сказочные старики олицетворяют времена года и природные явления. Так, зима в русском фольклоре чаще всего представляется в образе Старика Мороза: сказка *Морозко*, загадки: „Старик у ворот тепло уволок. Сам не бежит и стоять не велит”; „Дед мост мостил без топора, без долота”. Сказочный образ Мороза уходит корнями в мифологическое представление божества, предположительно Перуна. Образы Лешего, Лесовика, Водяного и пр. соответствуют мифологическому Велесу — „скотьему богу”, повелителю лесных просторов⁵.

Связь старости с сакральным, мистическим миром мертвых ощущалась в традиционном обществе очень сильно. Однако стоит обратить внимание на то, что фольклорный образ старости не связан со смертью (смерть представлялась молодой сильной девой, только в раннехристианский период появляется смерть в виде старухи с косой). Так сказочный персонаж Баба Яга присутствует в большом количестве русских сказок как образ стража пограничного мира, границы между жизнью и смертью, поэтому в сказках Баба Яга не умирает, обычно утром она возрождается к жизни с новыми силами, символизируя цикличность природы и жизни. Время поминания усопших в славянской языческой культуре всегда приходится на весну. В этом есть практический смысл: урожай будет большим, если помогут умершие предки, поэтому весна — это пробуждение сил земли, возрождение мертвых, следующий оборот жизненного цикла.

Часто в сказках можно встретить формы перевоплощения души после смерти в природный элемент (корову, лебедь, яблоню и др.), что говорит о мистической взаимосвязи двух миров и представлении о старости и смерти как о переходе в другое мифологическое пространство и время, в вечный круговорот жизни и смерти (сказки *Крошечка-Хаврошечка*, *Василиса Прекрасная*, *Иванушка-дурачок* и т.д.).

Подобное представление о старости как о сакральном состоянии отражается и в поздних представлениях „народного православия”: ангелы, архангелы, Бог Отец приобретают черты сакральных стариков.

Мудрость старости

Фольклорный образ „старик и старуха” вполне может быть рассмотрен как архетипический, с точки зрения теории Карла Юнга. Старик или старуха в сказках всегда появляются в тот момент, когда герой находится в без-

⁵ Е. Левкиевская, *Мифы русского народа*, Москва 2004, с. 26–27.

надежном и отчаянном положении, из которого его спасти может только глубокое размышление или удачная мысль — другими словами, духовная функция или определенного рода внутриспсихический автоматизм. Часто в сказках старик или старуха задает вопросы: кто? почему? откуда? куда? — для того, чтобы вызвать саморефлексию и мобилизовать моральные силы, а еще чаще он дает необходимый магический талисман.

Таким образом, с одной стороны, старик представляет знание, размышление, проницательность, мудрость, сообразительность и интуицию, а с другой стороны — такие нравственные качества, как добрая воля и готовность помочь, что делает его „духовный” характер достаточно очевидным. Отражение подобных представлений можно найти в пословицах: „Старость опытом богата”, „Старого учить — только портить”, „Старое дерево скрипит, да не ломается”, „Старого воробья на мякине не проведешь”, „Старому в зеркале калач не продашь”, „Мудренному и счастье к лицу” и др.

В архаической культуре мудрость зачастую понималась как некий дар (духовный и материальный), с помощью которого достигается процветание, успех, независимо от того, идет ли речь об обретении высших духовных ценностей или материального богатства.

В христианский период статус „старца” („старицы”) играл важную роль в формировании и функционировании неофициальных религиозных практик в традиционной крестьянской культуре. В результате сформировался образ старца как важного представителя бытийной сакральности. В XIX–XX веках, по наблюдениям Татьяны Щепанской, „людям дорог — нищим, странникам, богомольцам — приписывался, а нередко предписывался статус старцев. Они именовались в народе старцами, независимо от возраста”⁶. То есть старость является не возрастным показателем, а показателем социально-духовным.

Очевидно, что именно сакральный, лиминальный статус деревенских стариков и старух, их близость к загробному миру наделяли их в глазах односельчан особыми полномочиями в сфере колдовства, знахарства и религиозной жизни.

Согласно народным поверьям, знахарское и колдовское „знание” может быть передано человеку в любом возрасте, но практиковать деревенский знахарь или знахарка, как правило, может только в пожилом возрасте⁷. В данном контексте интересно лингвистическое исследование Александра Афанасьева о единстве понятий „ведун” и „знахарь”, утверждавшего, что слова „ведун”, „ведьма”, „ведовство” происходят от глагола „ведать”, подобно тому, как их синонимы „знахарь”, „знахарка” — от глагола „знать”.

⁶ Т. Щепанская, *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX веков*, Москва 2003, с. 313.

⁷ А. Панченко, *Образ старости в русской крестьянской культуре*, „Отечественные записки” 2005, № 3, <http://www.strana-oz.ru/2005/3/obraz-starosti-v-russkoy-krestyanskoj-kulture>, [доступ: 12.01.2016].

что подчеркивает мудрость и опыт деревенских колдунов, их причастность к иррациональному знанию⁸.

Сказочный образ Бабы Яги является фольклорным представлением ведьмы, колдуньи, знахарки как носителя вековой мудрости. Мифологическая сущность Бабы Яги изучалась многими учеными, такими как Александр Веселовский, Михаил Забылин, Николай Новиков, Александр Потебня, Владимир Пропп, Борис Рыбаков и др. Исследователи подчеркивали наличие общих черт у сказочной героини и деревенской колдуньи: их символическими подручными были черный кот, кот Баюн, Лихо Одноглазое, ворон, змеи, лягушки, гуси-лебеди, различная лесная нечисть, избушка на курьих ножках, „три пары рук” и три всадника — белый, красный и чёрный (соответственно день, заря и ночь).

Но Баба Яга представлена в русском фольклоре не как злобная колдунья, а как мифологический персонаж, сочетающий сакральный, лиминальный и колдовской контекст. Так, в загадках она сравнивается с жизненно важными для крестьянина вещами: „Стоит Яга, во лбу рога” (ответ: печь и воронец); „Баба Яга вилами нога, весь мир кормит, сама голодна” (соха).

То есть Баба Яга положительный образ сказочной старухи, стоящей на страже мира мертвых и мира живых, собирательницы народной мудрости, хранительницы культурных традиций, обучающей и наставляющей молодежь. Роль этого фольклорного образа трудно переоценить, по сути, Баба Яга является культурным кодом традиционного деревенского образа жизни и фольклора, отражающего в символах этот уклад. Только в процессе проникновения на Русь христианства Баба Яга как языческий пережиток наделяется отрицательными чертами.

Баба Яга, несомненно, является собирательным образом старух-знахарок, ведуний, колдуний, которые жили отшельницами на краю деревни, почти в лесу, собирали травы, и, обладая сакральной мудростью, делали снадобья и лечили людей. По утверждению Владимира Проппа главной функцией Бабы Яги являлась инициация сказочных героев, их приобщение к миру иррационального знания и переход в другой статус — более мудрого, взрослого, опытного, зрелого человека. С этой точки зрения Баба Яга предстает как существо гармоничное и связующее разные пласты традиционной культуры: жизненный уклад, представления о смерти и бессмертной душе.

В русских волшебных сказках Баба Яга предстает в нескольких образах (сказки *Гуси-лебеди*, *Царевна-лягушка*, *Василиса Прекрасная*, *Баба Яга*, *Марья Моревна*, *Пооди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что*, *Финист — ясный сокол*, *Сказка о молодильных яблоках и живой воде* и др.):

- Яга-воительница. Баба Яга ездит верхом на коне и располагает „растью-силой несметной”, она имеет многочисленное войско „как бы оболочкитится по краю неба”. В своем царстве Баба Яга обладает стадами скота,

⁸ А. Афанасьев, *Древо жизни: Избранные статьи*, Москва 1982, с. 377.

табуном волшебных кобылиц, дом Яги огорожен тыном, на котором торчат человеческие головы (образ Бабы Яги — воительницы был проанализирован в работах Бориса Рыбакова).

- Яга-похитительница. Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение.

- Яга-дарительница. Баба Яга расспрашивает героя, пришедшего к ней, и одаривает конем, волшебным клубком, мечом и т. д.

- Яга-советчица. Она указывает, к кому обратиться за помощью, к примеру, к своей старшей сестре, к Кощею Бессмертному.

- Яга-повелительница сил природы и животного мира. Она повелевает утром, вечером, ночью, ветром, волками, медведями, другим лесным зверьем.

- Яга-охранительница, покровительница, следящая с помощью своих волшебных помощников (совы, блюдечка и проч.) за похождениями героя.

- Яга-прародительница (мать/бабка для нескольких своих дочерей/внучек-ягишн, хозяйка лесных зверей), тетка (наиболее подробные исследования образа Бабы Яги проведены Проппом)⁹.

Опыт старости

По словам Ю. Лотмана, „культура всегда, подразумевает сохранение предшествующего опыта”¹⁰. Аполлон Коринфский отмечает:

Старики являются на Руси хранителями всевозможных заветов былого — минувшего. Они же — и памятливые сказатели всех сказаний. Многие из этих последних давным-давно вымерли бы, если бы не собиратели, подслушавшие их из уст, отходивших на вечный покой патриархов¹¹.

Опыт поколений, запечатленный в фольклоре, необходимо было не только сохранить, но и передать последующим поколениям. По этой причине в деревне складывалось особое уважительное отношение к сказителям как хранителям культурной памяти и традиций. По крестьянским этическим нормам сказки рассказывать прилюдно мог только пожилой человек, потому что старость сама по себе подтверждает правдивость событий, которые происходили во времена далекие, былинные, мифологические. „Песни не знает — не молод, сказки не расскажет — не старик” — гласит русская пословица.

Таким образом, в быту старые люди не могли работать в полную силу, зато они начинали выполнять педагогические функции, соединяя поколения, передавая молодежи мировоззренческий опыт, представленный в загадках, сказках и быличках, которые старики рассказывали вечерами

⁹ В. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*, Москва 1988, с. 146–202.

¹⁰ Ю.М. Лотман, *op. cit.*, с. 6.

¹¹ А. Коринфский, *Народная Русь*, Москва 2013, с. 812–813.

на игрищах и на посиделках. Старшему поколению принадлежала ведущая роль в проведении большинства обрядов, в руководстве молодыми в обрядовой ситуации, в трактовке и разъяснении примет и гаданий и т.п.

Мудрость и опыт стариков проявлялась в передаче многовекового коллективного знания, в определении будущего конкретных судеб молодых людей (именно старикам принадлежала ведущая роль „арбитров” в обряде „смотрины невест”, а также в формировании репутации парней и девушек во время святочных игрищ молодежи), в устройении социокультурной жизни поселения.

Крестьянин традиционно ссылался на опыт „дедов и прадедов” в обоснование и своих поступков, и своих прав. В традиционной культуре формирование морального облика человека считалось долгом семьи перед обществом и важнейшим условием обеспечения себе достойной старости („Детей хорошими вырастишь — род свой прославишь”). Почтение к родителям считалось по нравственным понятиям ручательством здоровой, долгой и счастливой жизни („Отчая клятва иссушит, матерняя искоренит”).

Одним из основных условий нравственных норм являлось воспитание с ранних лет, немаловажную роль в системе обучения и воспитания играла сказка. Домашнее воспитание осуществляли старухи, которые следили за малыми детьми и рассказывали им сказки, знакомили с народной мудростью в пословицах, загадках, играх.

Фольклорный образ старости, без сомнения, можно определить как культурный код традиционной древнерусской жизни, так как в народном творчестве отразилось отношение общества к людям лишенным социальной активности, но перешедшим в статус мифических старцев, наделенных мудростью, опытом и культурной памятью. Но, несмотря на то, что культурная память не теряет своей значимости в современном мире, все же многие традиционные представления сильно изменились. Так, со временем отношение к старости и ее образы в народной культуре приобрели противоположный смысл: старости современные люди боятся, для старого человека нет места в обществе, старость отмечается только в анекдотах и комедиях, где образы стариков чаще всего представляют немощь, болезни и непонимание молодежи.

В свое время общечеловеческую характеристику взаимодействия поколений определила Маргарет Мид, выделяя три типа культуры межпоколенных отношений¹²:

- постфигуративные, в них дети учатся у своих предков,
- кофигуративные, дети и взрослые учатся у своих сверстников,
- префигуративные, взрослые учатся у своих детей.

Проведем сравнение отношения к старости, используя типологию Мид. Постфигуративные культуры больше свойственны традиционным обществам и ориентируются в своем развитии на прошлое, информация от поколе-

¹² М. Мид, *Культура и мир детства*, перев. Ю. Асеев, Москва 1988, с. 322.

ния к поколению передается бессознательным путем. Поэтому для них прошлое воплощено только в стариках, и старики являлись хранителями и носителями культуры, что определяло их значимость для общества. В таких культурах в отношениях между поколениями редко встречаются конфликты. Постфигуративная культура зависит от реального присутствия в ней трех поколений. Люди принимают данную культуру как нечто само собой разумеющееся, так что ребенок, вырастая, принимает без тени сомнения все то, в чем никто не сомневается в его окружении. Сохранение культуры зависит от установок стариков и от того, как они передали ее молодым.

Префигуративная культура, в которой мы сегодня живем, культура молодости. Старость нежелательна и представляется в образе человека, не находящего применения в социуме, соответственно этот процесс находит отражение в современном фольклоре. Например, анекдот про старость:

В дом, где собралось несколько должителей, прибыл репортер, чтобы узнать секрет столь долгой жизни. — Как вы думаете, — спросил он у одной милой старушки, — почему Бог дал вам возможность дожить до девяноста двух лет? — Наверное, для того, чтобы испытать терпение моих родственников, — ответила она, улыбаясь.

Смысл большинства шуток про стариков сводится к их немощи или ненужности в обществе молодых.

Старость сегодня лишается главного смысла — хранильницы культурных ценностей. Стоит напомнить слова Ю. Лотмана о том, что культура по своей сути есть память,

поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества¹³.

Традиционные культурные коды, выраженные в отношении к старости, меняются, однако уровень развития общества до сих пор оценивается по отношению к старикам и детям.

Традиционная народная культура — глубинная основа всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества. В фольклоре закреплен весь накопленный веками опыт практической и духовной деятельности, через который продолжают формироваться важнейшие национальные идеалы, моральные принципы и нравственные установки, регулируются нормы социальных отношений, семейных, общинных, трудовых отношений между поколениями.

¹³ М. Лотман, *op. cit.*, с. 6–7.

Библиография

- Афанасьев А., *Древо жизни: Избранные статьи*, Москва 1982.
- Белов В., *Лад: Очерки о народной эстетике*, Москва 1982.
- Каган М., *Философия культуры*, Санкт-Петербург 1996.
- Коринфский А., *Народная Русь*, Москва 2013.
- Левкиевская Е., *Мифы русского народа*, Москва 2004.
- Лотман Ю.М., *Беседы о русской культуре*, Санкт-Петербург 1994.
- Мид М., *Культура и мир детства*, перев. Ю. Асеев, Москва 1988.
- Панченко А., *Образ старости в русской крестьянской культуре*, „Отечественные записки” 2005, № 3, <http://www.strana-oz.ru/2005/3/obraz-starosti-v-russkoy-krestyanskoj-kulture>.
- Пропп В., *Исторические корни волшебной сказки*, Москва 1988.
- Пропп В., *Фольклор и действительность*, Москва 1976.
- Тутов А., *Баба Яга — добрая северянка. К вопросу о происхождении и местонахождении ее родины*, Библиотека книг для развития, <http://ezocat.ru/index.php/vedich-rusi-ks/371-baba-ya-ga>.
- G. Foster, *Interpersonal relations in peasant society*, „Human Organization” 1960-1961, № 19.
- Щепанская Т., *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XI – XX веков*, Москва 2003.
- Элиаде М., *Очерки сравнительного религиоведения*, перев. В. Рокитянского, Москва 1999 (M. Eliade, *Patterns in comparative religion*, London 1958).

The folk image of old age as a cultural code

Summary

Folklore image of old age is a cultural code of the whole epoch. The ontogeny of the concept and its artistic expression reflects the mental and temporal characteristics of culture. Russian fairy tales, songs, proverbs allow us to study the phenomenon of old age as an important element of traditional and modern culture.

The research is based on M.S. Kagan's the phases of the life cycle concept. The author identifies three persons of old age in a traditional society: the sacredness as mastering of irrational principles, mystical experience; wisdom as a form of participation of the older generation in the cultural development and experience as the transmission of cultural values to young people.

These issues are considered on a material of Russian proverbs, riddles and fantastic images. Taking the types of crops on the basis of interaction between generations by M. Mead's concept, the author builds a typology of cultures in relation to age: postfigurative culture, when old age is an important part of life and mythology; cofigurative culture considers aging — respectable but incompetent age, prefigurative culture reinforces the fear of old age and its rejection.

Keywords: cultural code, folklore, poetic age, sacred, wisdom, experience

Folklorystyczny obraz starości jako kod kulturowy

Streszczenie

Folklorystyczny obraz starości stanowi kod kultury. Ontogeneza pojęcia i jego artystyczna realizacja odzwierciedlają mentalne i tymczasowe cechy kultury. Rosyjskie bajki, pieśni, porze-

kadła stanowią dobry materiał do badania starości jako ważnego elementu dawnej i współczesnej kultury.

W oparciu o koncepcje Moiseja Kagana, autorka wyodrębnia trzy przejawy starości w społeczeństwie żyjącym w oparciu o normy tradycyjne, mianowicie: sakralność jako sposób opanowania sfery irracjonalno-mistycznej, mądrość rozumianą jako forma udziału starszego pokolenia w kulturze i doświadczenie jako transfer wartości kulturowych, skierowany do młodzieży.

Wymienione problemy są rozpatrywane w oparciu o rosyjskie przysłowia, zagadki i obrazy bajkowe. Przyjmując za podstawę typy kultur Margaret Mead, oparte na interakcji pokoleniowej, autorka artykułu tworzy typologię kultur w odniesieniu do starości: kulturę postfiguratywną, w której starość jest ważną częścią istnienia i mitologii; kulturę kofiguratywną, w której starość jest wiekiem szanowanym, ale niezdolnym do działania, i kulturę prefiguratywną, cechującą się nasileniem strachu przed starością i jej odrzuceniem.

Słowa kluczowe: kod kulturowy, folklor, poetyka starości, sakralność, mądrość, doświadczenie